

9. ГАЗК. Ф.р.-422. Оп. 3. Д. 239.
10. Деяния Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. — Т. 6. — М.: Новоспас. монастырь, 1996. — 284 с.
11. Забайкальская новь. — 1917. — 5 мая.
12. Иркутская жизнь. — 1917. — 1 авг.
13. Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и советское государство (1917–1922). — М.: Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей церковной истории, 2005. — 440 с.
14. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. — Чита: ЗабГПУ, 2007. — 204 с.
15. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 560 с.
16. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). — Томск: Изд-во ТГУ, 1991. — 204 с.
17. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). — Томск: Изд-во ТГУ, 1991. — 204 с.

УДК 811.512.31+27-725(571.53)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-57-64

**МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ИРКУТСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ: А. М. ОРЛОВ (1816–1889)**

© **Оксана Николаевна Полянская**

кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению «Грамматики монголо-бурятского разговорного языка» (Казань, 1878) священника Иркутской духовной семинарии Александра Матвеевича Орлова (1816–1889) с точки зрения ее значимости для развития монголоведения в России. В статье Иркутск представлен как город XIX в. в котором изучение монгольских народов имело ключевое значение. Иркутская духовная семинария сыграла одну из главных ролей в подготовке специалистов монгольского языка. Научная новизна статьи заключается в том, что дана оценка Грамматике А. М. Орлова. Эта работа служителя церкви сыграла значимую роль в изучении монгольского языка прежде всего с точки зрения развития практического монголоведения, нежели научного. Тем не менее А. М. Орлов в своей работе затронул вопрос разнообразия говоров бурятского языка, которые стали предметом изучения для ученого-монголоведа Санкт-Петербургского университета А. Д. Руднева в начале XX века.

Ключевые слова: монголоведение в России, Иркутская духовная семинария, А. И. и А. А. Бобровниковы, А. М. Орлов, Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казанская духовная академия, Казанский университет.

THE MONGOLIAN LANGUAGE IN IRKUTSK SPIRITUAL SEMINARY: A.M. ORLOV (1816–1889)

Oksana Polyanskaya

Candidate of Historical Sciences, associate Professor, Buryat State University

The article is devoted to examination «Grammar of Mongolian — Buryat colloquial language» (Kazan, 1878) of priest of the Irkutsk spiritual seminary Aleksandr Matveevich Orlov, with point of view important of this work for development of Mongolian studies in Russia. The article reflects Irkutsk as town of the XIX century, where the studies of Mongolian people had the main meaning. Irkutsk spiritual seminary made one of the main roles for training experts of the Mongolian language. Giving estimation to A.M. Orlov's Grammar, the other of this article infers that, the paper of church's server made important role in studying of Mongolian language, the first of all, with point of view development practical Mongolian studies, than scientific. Nevertheless, A.M. Orlov in his work touched upon a question of variety of Buryat language's dialects. This dialects were become object for studying of scientist — Mongolian studies scholars of the Sent-Petersburg University A. D. Rudnev at the beginning of the XXth century.

Keywords: Mongolian study in Russia, Irkutsk spiritual seminary, A. I. and A. A. Bobrovnikovs, A.M. Orlov, grammar of Mongolian — Buryat colloquial language, Kazan spiritual academy, Kazan University.

В силу своего географического положения Иркутск являлся пограничным пунктом, через который осуществлялись сношения с Китаем, Монголией. Здесь открывались первые школы по подготовке пограничных переводчиков, а также школы при монастырях, в них христианским миссионерам предоставлялась возможность изучать монгольский и китайский языки, посредством которых распространялось Евангелие среди бурят. Также они работали в составе Российской духовной миссии в Китае. Одной из первых (1725 год — год открытия) школ такого рода была школа при Вознесенском монастыре в Иркутске «для церковичных детей и сирот». С Иркутском связана деятельность значимого для становления научного монголоведения переводчика, преподавателя, собирателя монгольских рукописей и ксилографов, составителя первого монгольско-русского словаря Александра Васильевича Игумнова (1761–1834). Он со всей ответственностью принял на себя обязательства обучить началам монгольского языка и передать накопленные материалы востоковедам Казанского университета О. М. Ковалевскому (1801–1878) и А. В. Попову (1808–1865), впоследствии ставшим основоположниками научного изучения филологии, истории, этнографии монгольских народов [6, с. 3–42]. Таким образом, Иркутск можно назвать городом, в котором были заложены корни монголоведения в России.

Деятельность Иркутской духовной семинарии была направлена на преподавание восточных языков. Семинария в Иркутске находилась в подчинении Казанской духовной академии, которая на огромной территории, от Поволжья до Сибири, проводила миссионерскую деятельности и в задачи которой входило, в первую очередь, распространение христианства, а также изу-

чение этих территорий в плане языка и религии с целью успешного выполнения своей миссии. Несмотря на прикладной характер изучения христианическими миссионерами востоковедных дисциплин, нельзя не сказать о его научной составляющей. Работы по востоковедению, в частности по монголоведению, написанные служителями христианской церкви, имели весомое значение, так как разрабатывались под влиянием научной, в большей степени университетской, ориенталистики.

Преподаватели Казанского университета предоставляли Казанской духовной академии свои учебники, словари по монгольскому языку и даже вели преподавательскую деятельность. Поэтому слушатели Казанской духовной академии получали основательную подготовку не только в плане миссионерства, но и знания восточных языков, религии, этнографии народов, населяющих окраины России. И уже в свою очередь, используя полученные знания во время учебы, а также практический опыт, накопленный в ходе миссионерской работы, создавали достойные труды по монгольской филологии. Ярким примером того является выпускник Казанской духовной академии Алексей Александрович Бобровников (1822–1865), автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» (Казань, 1849) вошедший в плеяду авторитетных ученых-монголистов [4, с. 81–109]. Его жизнь тесным образом была связана с Иркутском, в этом городе он родился и окончил духовную семинарию и за блестящие успехи в учении был направлен в духовную академию в Казань. Его отец Александр Ильич Бобровников служил протоиереем в семинарии Иркутска и превосходно знал монгольский язык, который там и преподавал. Он является автором первой грамматики монгольского языка, которая была издана в 1835 г. в типографии Святейшего правительственного Синода в Санкт-Петербурге¹ и долгое время оставалась в семинарии учебным пособием для изучающих монгольский язык [5, с. 334–344]. Об этом в своих путевых письмах писал востоковед В. П. Васильев по пути в Китай через Иркутск: «В Иркутск мы приехали 21 февраля (ПО: 1840 г.), воспользовался временем и осмотрел собрание монгольских и маньчжурских книг, хранящихся в библиотеке гимназии и семинарии, познакомился с учителями монгольского языка... В семинарии принята в качестве руководства грамматика бывшего протоиерея Бобровникова, почитают ее первой грамматикой монгольского языка...» [2, д. 4814, л. 146–147об.]. Алексей Бобровников поддерживал связь с Иркутской семинарией. Так, в 1855 г. он обратился с прошением отправить ему книги по буддийской религии и христианству как на монгольском, так и на русском языке. Всего восемь наименований. Вероятно, они понадобились ему для работы над переводом краткой Священной истории, которую он выполнял по поручению правления Казанской духовной академии [2, д. 676, л. 3–3об.].

¹ Один экземпляр хранится в фонде редких изданий Научной библиотеки Бурятского госуниверситета. Еще в середине XIX в. Алексей Бобровников делал запрос в духовную семинарию Иркутска с просьбой выслать ему один экземпляр грамматики его отца, но ему отказали, сославшись на то, что все его работы утрачены.

Прекрасным преподавателем Иркутской семинарии стал другой выпускник, И. А. Подгорбунский. Он читал курс по шаманизму и буддизму и работал над составлением монголо-бурятско-русского и русско-монголо-бурятского словаря, который вышел в свет в 1901 г. [1, с. 20].

Авторитетным преподавателем духовной семинарии в Иркутске был ее выпускник (1838 г.) Александр Матвеевич Орлов. Вся жизнь его прошла в Иркутске: он служил протоиереем в Иркутской семинарии, а также работал смотрителем в Иркутском духовном училище, был священником при церкви Института Восточной Сибири для благородных девиц и благочинным иркутских церквей. В семинарии и училище преподавал монгольский язык [2, д. 3702, л. 47об., 48]. А. М. Орлов был образованным человеком, знал греческий, латинский, еврейский, немецкий, монгольский языки. В течение всей жизни начиная с семинаристских лет собирал библиотеку. Его значительное собрание включало в себя отделы философии, богословия, истории. После смерти ученого библиотека поступила в Институт благородных девиц, а в 1920 в неполном составе перешла Иркутскому государственному университету [7, с. 185]. А. М. Орлов — автор «Грамматики маньчжурского языка» (СПб., 1873), «Грамматики монголо-бурятского разговорного языка» (Казань, 1878)², переводчик на монгольский язык «Краткого катехизиса» и автор ряда статей разного содержания, опубликованных в основном в Иркутских епархиальных ведомостях. Его учебно-педагогический стаж насчитывает более 50 лет. В честь этой юбилейной даты 9 октября 1888 г. было организовано собрание общественности г. Иркутска в зале Девичьего института. За успехи своей деятельности, как миссионерской, так и педагогической, А. М. Орлов был награжден орденом Святой Анны II и III степени, наперсным крестом, темно-бронзовым крестом на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. [8].

В практике обучения слушателей Иркутской духовной семинарии монгольскому языку А. М. Орлов пользовался грамматикой, хрестоматией и монгольско-русско-французским словарем ученого-монголоведа О. М. Ковалевского, а также работами академика И. Я. Шмидта [2, д. 4086, л. 48 об.-50]. Александр Матвеевич преподавал монгольский книжный и монгольско-бурятский разговорный язык. Для познания первого ученики два раза в неделю занимались переводами с монгольского на русский и обратно, с грамматическими разборами. При этом они учили монгольские слова и фразы, повторяли грамматические правила, «упражнялись в правильном произношении» [2, д. 4086, л. 48]. Для практики в разговорном языке также два раза в неделю занимались переводом монголо-бурятских слов и фраз с русского на бурятское наречие, «преимущественно новозаветных книг». На экзаменах показывали «успехи очень удовлетворительные». В конце 40-х гг. XIX в. А. М. Орлов преподавал монгольский книжный язык Иркутского духовного училища, о чем свидетельствует «Донесение о преподавании монголо-бурятского языка в Иркутской семинарии и уездных училищах Иркутском

² Несколько экземпляров Грамматики А. М. Орлова хранятся в фонде редких изданий Научной библиотеки Бурятского госуниверситета.

и Нерчинском за 1849–1850 учебный год с ведомостью» [2, д. 3702, л. 53]. Руководством в преподавании для А. М. Орлова служили «Монгольско-калмыцкая грамматика» (1847) А. А. Бобровникова, «Монгольско-немецко-русский словарь» (1835) академика И. Я. Шмидта и Хрестоматия (1841) с приложением к ней словаря Л. Д. Шергина, учителя монгольского языка Нерчинского духовного училища. Практические упражнения заключались в чтении и писании букв и слов монгольского языка на доске и бумаге, в объяснении правил и «началах перевода с монгольского языка на русский с изречением слов» [2, д. 3702, л. 48 об.]. В «Донесении» в Духовную академию указывалось, что учащиеся протоиерея А. Орлова «приготовлены к принятию высших уроков в семинарии очень достаточно».

Главнейшей задачей, стоявшей перед миссионерами в области изучения монгольского языка, было обращение к народному разговорному языку, нежели к книжному литературному языку. Это определялось прежде всего важностью распространения и объяснения основ христианской религии и привлечения к ней коренных народов восточных территорий России. Как в Казанском университете, так и в духовной академии и всех подведомственных ей семинариях на протяжении всего XIX в. занимались изданием учебных пособий, словарей, которые стали основой подготовки миссионеров. А. М. Орлов и здесь не остался в стороне. Его богатый опыт преподавания, а также практика переводов основ священного писания, церковных служб с русского на монгольский язык подсказали необходимость создания грамматики разговорного языка с указанием на особенности бурятских говоров. Такая работа была проделана, и книга была напечатана в Казани в 1878 г. под названием «Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, составленная протоиереем А. Орловым, преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии». Несмотря на некоторую критику в адрес А. М. Орлова со стороны авторитетных монголоведов, в частности А. М. Позднеева, который утверждал, что подобного рода грамматика не должна иметь место быть, так как «разговорный язык не пригоден для перевода духовной литературы» [1, с. 20], работа протоиерея отвечала нуждам миссионерской деятельности — делала для бурят понятным христианское учение.

Цель, которую ставил перед собой А. М. Орлов, работая над грамматикой, — «вооружить основательным знанием живого бурятского языка личностей из нашей [миссионерской] среды, влияющих на моральное обновление бурят, [тогда бы] самая крепкая связь с политическим телом русского государства достигалась бы с большею быстротой» [3, с. V]. Необходимо, писал он, правильно построить «монголо-бурятскую речь», для этого «устная словесность их и переводы на такую речь статей и брошюр научного и религиозного содержания с языка русского могли бы стать верными способами» [3, с. VI]. При этом отмечал множество разных затруднительных нюансов, объяснения которым необходимо было дать в грамматике. Несмотря на то, что монгольский письменный язык использовался при ведении переписки, при переводах «с тибетского буддийско-ламайских священных книг» [3, с. V], «на практике он до того расходился

с последним, держащимся на искусственной и неудовлетворительной азбуке, что при чтении письменных монгольских слов, по правилам грамматик, простые буряты могли вовсе не понять их. К этому надо прибавить устарелость некоторых форм склонения имен и спряжения глаголов в языке, почти мертвом против живого и, даже забвение бурятским народом целых слов, в книгах монгольских встречающихся непрерывно». Поэтому, особо подчеркивал А. М. Орлов, «одним книжным монгольским языком просветить и благоустроить бурят нельзя» [3, с. VI]. Кроме того, отмечал священник, «речь, слышимая из уст современных нам бурят, не по всем их улусам и родам одинакова, впрочем не столько по словоупотреблению и словоизменению, сколько по произношению. Буряты, живущие по реке Селенге, как выходцы из халхаских монголов только в конце XVII века, говорят ближе к книжному языку, чище, благозвучнее. Остальные же буряты как древнейшие обитатели Прибайкалья и потому невольные соседи с разными северными кочевниками, крайне огрубели свой, поначалу тоже монгольский, язык, частым употреблением гласного звука Ы и глубокогортанного звука Х» [3, с. VI]. В связи с этим А. М. Орлов предлагал «говор бурятский разделить на два главных наречия: монгольское в меньшинстве и бурятское в большинстве». Первое называл селенгинским, относя к нему речь селенгинцев и частью нерчинцев, а также тех, кто «в сравнительно позднее время приселился к своим единоплеменникам, по выходе из аймаков Монголии». Второму дал название «балаганское», как наиболее распространенное у бурят-шаманистов, «в параллель селенгинскому, замечательному между ламаистами». «Под рубрикой балаганского» автор грамматики объединил наречия всех остальных бурят, как забайкальских: хоринских, баргузинских и кударинских, так и прибайкальских: тункинских, аларских, идинских, кудинских, ленских, верхоленских и ольхонских [3, с. VII]. Вся эта разность в произношении слов бурятами во многом внесла негативные коррективы в записи образцов бурятского говора, в большинстве случаев все это зависело от «произвола» переписчиков и переводчиков, «произвол — нередко произносящий, пишущий, изменяющий одно и то же слово на разные манеры» [3, с. VII]. Поэтому для себя А. М. Орлов поставил задачу выявить ошибки и привести определенные группы слов к единому знаменателю, проанализировав литературу монгольских народов. Также на тот момент «открылась потребность в новом приеме изучения бурятского слова — в строгой проверке новоявившейся бурятской письменности»³ [3, с. VII]. С этой целью А. М. Орлов разделил монголоязычную литературу на несколько групп. Сначала проанализировал письменные произведения калмыков, так как «они, однозначные с бурятами, сверх монгольской изобрели свою азбуку, приноровленную к их

³ В середине XIX в. учителем Балаганского училища Николаем Семеновичем Болдоновым была создана азбука бурятского языка на основе русской графики. Н. С. Болдонов является одним из видных бурятских просветителей, автором первого «Русско-бурятского букваря», изданного в 1865 г. в Санкт-Петербурге. Словарь был составлен на наречии северо-байкальских, иркутских, бурят.

живому говору...» [3, с. VIII]. Значительное внимание уделил анализу народной героической поэмы монголов «Гэсэр хан», так как в ней «заметно употребление и расположение слов вполне родное — монголо-бурятское и сделано много попыток к написанию, склонению и спряжению слов на бурятский лад» [3, с. VIII]. И, наконец, изучил монгольские летописи, насыщенные «похожими проявлениями живого бурятского языка»: «Алтан Тобчи» Санан Сэцэна и «Наставления сыновьям Чингис хана» [3, с. VIII].

В своей работе над грамматикой А. М. Орлов проявил себя как знающий не только вопросы филологии монгольских народов, но и их литературу. Так, он пишет: «В продолжение многих лет я занимался сборником на обоих предположенных бурятских наречиях: пословиц, изречений, очерков, обрядов, песен, сказок. Есть уже переводы с нашего [русского] на монголо-бурятский язык. То и другое совершилось с помощью и трудом природных бурят, не только грамотных и толковых, но частью получивших образование в средних учебных заведениях в России [3, с. VII]. Все собранные им материалы должны были стать основой Хрестоматии.

В целом «Грамматика монголо-бурятского разговорного языка» А. М. Орлова — добротный труд по монгольской филологии, «основанный до последней строки на критически осмотренной устной словесности бурятской», отвечающий потребностям подготовки практических переводчиков, каковыми были христианские миссионеры. В Грамматике Алексей Матвеевич «подводил под синтаксические правила более двух-трех примеров» из разных литературных источников, чтобы «уяснить все оттенки правила, иногда и кратко, и сухо высказанного», показать «разнообразные приемы выражать устно и письменно свою мысль на изучаемом наречии» [3, с. IX]. Грамматика А. М. Орлова была не первой такого рода работой, но именно она получила широкое распространение в семинариях, училищах, школах, где преподавали монгольский язык, наряду с признанными работами авторитетных ученых монголоведов И. Я. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. А. Бобровникова. На наш взгляд, Грамматика А. М. Орлова сыграла значимую роль в изучении монгольской филологии, прежде всего с точки зрения развития практического монголоведения, нежели научного: академического и университетского. Тем не менее А. М. Орловым в своей работе были затронуты вопросы о разнообразии говоров бурятского языка, которые получили разностороннее развитие уже в начале XX в. в стенах Санкт-Петербургского университета, благодаря деятельности монголоведа А. Д. Руднева.

Литература

1. Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.): учеб. пособие. — Иркутск, 2001. — 144 с.
2. НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 146–147 об.; Д. 3702. Л. 47 об.–48, 53; Д. 4086. Л. 48–50; Д. 676. Л. 3–3 об.
3. Орлов А. М. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. — Казань, 1878.

4. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). — Улан-Удэ, 2001. — 140 с.
5. Полянская О. Н. Преподавание восточных языков в духовных заведениях России // Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 14–15 января 2010 г.). — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. — С. 334–344.
6. Полянская О. Н. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833). — Улан-Удэ, 2008. — 228 с.
7. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Издание подготовлено Н. В. Куликаускене. — Иркутск, 1993. — 544 с.
8. URL: http://irkipedia.ru/content/orlov_aleksandr_matveevich

УДК 27-788

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-64-70

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА В ЖИЗНИ СОЦИУМА

© **Николай** (Кривенко Алексей Владимирович)
игумен, Улан-Удэнская и Бурятская епархия Московского патриархата,
наместник Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря
E-mail: ier-krivenko@yandex.ru

© **Дари Шойбоновна Цырендоржиева**
доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный
университет
E-mail: dari145@mail.ru

В статье раскрывается роль православного монашества, которая сводится к сохранению, передаче и развитию религиозного содержания в духовной культуре. Монастырь занимается не только производством и развитием религиозных идей и ценностей, но и их обоснованием, что обуславливает развитие в уединенных стенах монастырей философских основ вероисповеданий. В XX веке в связи с реальными изменениями политических систем и секуляризацией Русская православная церковь разделила свою деятельность на две сферы: горизонтальную — служение людям для искоренения зла в социальной жизни, и вертикальную — спасение людей, ведение их к Богу. Подчиненные церкви монастыри стали активными проводниками доктрины активного служения. Монастырь использует духовную культуру для оформления религиозного пространства и практики, а также для установления экономических связей с миром.

Ключевые слова: православие, монастырь, монашество, церковь, религия, аскеза, духовная культура.